

ЭМИН И СУМАРОКОВ

Г. А. Гуновский

Явившись в 1763 г. в русскую литературу чужаком, Эмин тем не менее сразу же ввязался в литературную полемику и активно, иногда даже озлобленно принимал участие в боях социально-литературных группировок в течение всей своей короткой писательской деятельности. Дрался он со многими писателями разных групп; но, может быть, наиболее последовательно он боролся с Сумароковым.

Именно Сумароков, вождь и учитель литературы дворянской фронды, был особенно враждебен Эмину, и как дворянский писатель, и как фрондер; именно Сумароков, глава классицизма в России, был главным врагом для него и по линии его художнических, эстетических устремлений.

С другой стороны, и Сумароков, видимо, ненавидел Эмина и готов был уничтожить его при случае.

Литературные и, по всей вероятности, личные столкновения Сумарокова и Эмина начались рано, может быть, еще с той поры, когда Эмин, приехав в Россию, оказался состоящим под покровительством враждебной Сумарокову партии Шуваловых.

Во всяком случае уже 21 сентября 1764 г. Порошин записал в своем дневнике: «Обедал у нас Александр Петрович Сумароков. Его высочество весьма забавлялся, как он описание делал о г. Емине и о его с ним ссоре» (Семен Порошин. Записки, 1844, стр. 4—5).

Еще раньше, в 1763 г., Эмин в первый раз напал на русских поэтов своего времени печатно. В «Приключениях Фемистокла» рассказывается в одном месте о ссоре некоего стихотворца и матроса: «Стихотворец имел кобылу, а матроз роспуски. Когда они имели нужду в дровах, то сошедшись вместе уговорились, чтоб ехать в лес за дровами; у меня, — говорил стихотворец, — есть изрядная кобылка, а у тебя, мой друг, роспуски; поедем вместе в лес; — на что матроз согласился. И так оба сии новые друзья в великом из города выехали дружестве, но случилось, что стихотворцева кобыла была жереба и на дороге родила изрядного жеребенка. Тогда тот, чья была кобыла, весьма тому обрадовался. Но не меньше его веселился и тот, чьи были роспуски; что другой приметя, спрашивал своего товарища: ты чему, мой друг, радуешься? — Я тому радуюсь, — ответил его товарищ, — что небо к моим роспускам дало мне жеребца, вперед не буду иметь в тебе нужды. — А то каким образом быть может! — вскричал вспыльчивый стихо-

творец, вить жеребчик мой быть должен, потому что моя кобыла его принесла. Неправда! мой друг! — отвечал другой, — мои роспуски ожеребились. — О! какой ты безумный, — сказал первой, — согласно ли то с натурой, чтоб роспуски родили жеребца; етому никогда быть нельзя. — На то отвечал другой: скоряе могут роспуски родить жеребца, нежели ты можешь сделать водяной свод на облаках, сам живучи на земле, как я помню, что ты Ксерксу, въезжающему в столичный город, приписал такую похвалу, что будто на небесах ты видел водяной свод, которого никто кроме тебя сделать не мог; в другом месте ты написал, что реки текут млеком и медом, помнишь еще, когда ты от государя получив несколько талантов серебра, то ты ему сочинил за то великую похвалу и написал, что ты в золотой колеснице летал по небесам, во-первых, что в колеснице летать нельзя, а надобно ездить; потом, что из того места, в котором государь был в то время от того, в котором ты жил, не будет больше сорока верст, и очень худое сравнение от небес до земли; ты также сказал, что в то время умножил число звезд, и ежели все то по твоему мнению статья могло, чего же тебе удивляться, когда мои роспуски ожеребились; — на то с гневом ответил стихотворец: в таких моих похвалах была аллегория, и стихотворцам все вольно». . . и т. д. (Приключения Фемистокла, 1763, стр. 169—171).

Этот пассаж книги Эмина замечателен. Он содержит прозрачные намеки на современных ему поэтов, притом на двух сразу, именно на Ломоносова и Сумарокова. Может быть, самое характерное здесь именно то, что Эмин считает возможным объединить обоих этих поэтов, столь враждебных один другому, в том же самом сатирическом выпаде. Повидимому, то, что разделяло Сумарокова и Ломоносова, было нейтрализовано для Эмина, и для него на первый план выступали общие признаки, свойственные им обоим. Сточки зрения Эмина и Ломоносов и Сумароков — прежде всего поэты «верхов», и тем самым оба они и сходны и в равной мере эстетически ему враждебны. С точки зрения буржуазной эстетики спор Ломоносова и Сумарокова также не существует, поскольку выдвигается новый спор, подвергающий сомнению все навыки литературы классицизма в целом, причем носителем новой разрушительной силы выступает сам Эмин.

Первая половина отрывка, приведенного выше, относится, повидимому, к Сумарокову; вторая — к Ломоносову. В этой второй части идет речь об оде, сочиненной поэтом, когда он «от государя получил несколько талантов серебра», причем «из того места, в котором государь был в то время, от того в котором жил» поэт, «не будет больше сорока верст»; здесь имеется в виду ода Ломоносова, «в которой се величеству благодарение приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня, 1750 года» (Собрание разных сочинений в стихах и прозе. . . Михаила Ломоносова, кн. I, 1757, стр. 93—100).

Во второй строфе этой оды говорится:

«Уже и купно со денницей
Великолепной колесницей
В безоблачных странах несусь».

Ср. у Эмина: «написал, что ты в золотой колеснице летал по небесам»

В строфе 12 этой же оды сказано:

«Как если зданием прекрасным
Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Сарское село».

Ср. у Эмина: «ты также сказал, что в то время умножил число звезд». Ср. также у Ломоносова в оде 1742 г. (строфа 4):

«Ты твердь оставь, о древня лира,
Внесенна баснями к верху мира:
Моя число умножит звезд,
Возвысившись до горных мест» (там же, стр. 40—41).

Я не могу указать столь же несомненные цитаты, соответствующие пародийным пассажам первой половины разбираемого отрывка Эмина; но я полагаю, что Эмин имел здесь в виду оду Сумарокова на день коронавания Екатерины II 1763 г. (22 сентября); здесь говорится (в строфе 9):

«Во храме гласом сим трясется
И основание и свод:
По всей Европе глас несется,
Как бурный шум полночных вод. . .»

и еще раньше (в строфе 2):

«Блаженные настали веки,
Млеком текут и медом реки».

Напомню, что коронация состоялась в Москве, куда за несколько месяцев до того приехала Екатерина II. В одном из хоров «Торжествующей Минервы», написанных, как известно, в непосредственной связи с приездом Екатерины в Москву, Сумароков также писал:

«И се струи Российских рек
Во удивление соседям,
Млеком текут и медом».

(Хор ко златому веку. Брошюра «Торжествующая Минерва» М., 1763; или «Полное собрание сочинений Сумарокова», 1781 г. VIII).

Отмечу, впрочем, что аналогичное место есть и у Ломоносова, в оде на прибытие из Голштинии и на день рождения Петра Федоровича 1742 г., в строфе 13:

«Млеком и медом напоенны
Тучнеют влажны берега» . . .

(Ук. соч., стр. 126).

Однако оба сумароковские текста ближе к пародии Эмина, поскольку у Сумарокова, как и у Эмина, реки текут млеком и медом, тогда как у Ломоносова млеком и медом напоены берега.

Так или иначе, не настаивая на том, что пассажи Эмина о водяном своде и реках, текущих млеком и медом, обязательно относятся к Сумарокову, я считаю возможным утверждать, что в разговоре об ожеребившихся роспусках, несомненно, имеется в виду Сумароков. И если даже мы признали бы, что «стихотворец» Эмина — целиком Ломоносов, то мы должны были бы только сделать вывод, что «матроз» — это Сумароков, и что, издеваясь над распрей стихотворца с матрозов, Эмин издевается над борьбой Ломоносова с Сумароковым.

В 1760 г. в журнале кадетского корпуса «Праздное время в пользу употребленное» (напомню, что Эмин служил в кадетском корпусе), в номере от 14 октября, Сумароков напечатал притчу «Коршун в павлиньих перьях». Здесь рассказывалось об этом коршуне, перодедом павлином:

«Павлин мой чванится и думает павлин,

Что едакой великой господин

На свете он один:

И туловище все, все гордостью жеребо,

Не только хвост его, и смотрит только в небо. . .»

(1760, т. II, стр. 243; потом в «Полном собрании сочинений Сумарокова», 1781, т. VII).

Укажу также, что Сумароков понимает в басне под коршуном — крестьянина, «мужика» в чести, ставшего «великим господином», и дает такие сентенции:

«С чинами дурости душ подлых возрастают» и т. п.

Хотя Сумароков оговорил в конце притчи, что он имеет в виду взяточников из «подлых» людей, т. е. в первую очередь подьячих, но за басню вполне могли обидеться и другие выходцы из «низов» в чинах, и прежде всего сам Ломоносов, а может быть, и Эмин.

Во всяком случае, нашлись литераторы, которые придрались к выражению «туловище всё, всё гордостью жеребо», и стали бранить его, повидимому, с точки зрения правильности языка. Только так можно понять текст притчи Сумарокова «Коршун»

(а притча 1760 г. — «Коршун в павлиньих перьях»), впервые опубликованную Новиковым в «*Полном собрании сочинений Сумарокова*», рядом с другими литературно-полюемическими баснями (1781, т. VII). Вслед за «Коршуном» идет притча «Парисов суд» — пародия и сатира на М. Чулкова, затем — «Несмысленные писцы» (1774) — может быть, о А. Волкове или В. Петрове, во всяком случае, явно полемическая.

Вот текст притчи:

«Брюхато брюхо, лъзя ль по русски то сказать?

Так брюхо не брюхато,

А чрево не чревато;

Таких не можно слов между собой связать.

У коршуна брюшко иль стельно иль жеребо,

От гордости сей зверь взирает только в небо:

Он стал павлин, не скажут ли мне то,

Что коршун вить не зверь, но птица?

Не бесконечна ли сей критики граница?

Что

Худова в том, коль я сказал жеребо?

Для рифмы положил я слово то, для небо.

А его приискав и несколько был рад,

Остался в точности, как должно быть, склад:

То шутки, каковы Рондо, Сонет, Баллад. . .

От егова писцы не редко отбегают;

Однако то они когда пренебрегают:

Жеребо, положил не ради ль рифмы я?

Но сим испорчена ль хоть мало мысль моя?

Напрасно кажется за то меня ругают,

Что я неслыханну тут рифму положил:

Я критики за то себе не заслужил.

Жеребо слово я ошибкой не считаю,

А вместо басни той сию теперь сплетаю:

Был коршун горд,

Как черт,

Да только он смотрел не в ад, но в небо:

А черти смотрят в ад.

Не мните критикой мне сею дати мат:

Не зрю ошибки я, что я сказал жеребо:

Но к притче приступлю. Стал коршун быть павлин;

В его он перьях был великий господин,

Но птицы прочие безумца оцинали,

Так брюхо гордое и горды мысли пали.

Кто хочет, может он писателя бранить,

А его слышали мои исправно уши:

Но кто переведет на свете ледны души! . . »

Не берусь решить, какое именно отношение имел выпад Эмина в «Фемистокле» к этой истории о коршуне и о слове «жерebo», но считаю несомненным, что он имел к ней отношение; может быть, на Сумарокова за его притчу напал Ломоносов, и Эмин лишь изобразил сатирически стычку между обоими писателями. Во всяком случае об этом слове «жерebo» ходили разговоры и споры. После появления притчи «Коршун в павлиньих перьях» были нападки на нее,¹ и в ответ на них была написана притча «Коршун».² В полемике с Сумароковым по этому поводу Эмин принял участие в своем «Фемистокле» (или именно он и, может быть, только он, и был в данном случае противником Сумарокова).

Через полтора года после появления «Фемистокла» Эмина Ломоносов умер. Остался Сумароков. Эмин нападает на него опять и неоднократно. Эмин и Сумароков сделались заклятыми врагами и в жизни, в быту.

В «Письмах Эрнеста и Доравры» (1766) в третьем томе, в огромном 4-м письме (от Эрнеста к Ипполиту; письмо занимает 59 страничек), говорится:

«... Есть много таких гордых людей ученых, кои обучась какой-нибудь науке, либо когда им удастся написать какую-нибудь речь, или сплести стихи, то они столько оною своею удачею гордятся, что и общество презирают, а часто оному и угрожают,

¹ Еще в «Правилах критических» Аполлоса Байбакова, вышедших впервые в 1774 г. и переизданных многократно, есть такой отклик этих нападок в разделе «О вольности в стихах»: «Остерегаться однако же надобно, дабы не положить слов каких странных, диких, нелепых. Ибо в такой излишней вольности погрешали иногда и знаменитые стихотворцы. Например н е б о, ж е р е б о — вместо ж р е б я» (изд. IV, М., 1790, стр. 84). Отмечу также, что в «Послании к Ямщикову» Фонвизина, относящемся к началу 1760-х (?) годов, имеются такие два стиха:

«О, чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора некогда тобой была жереба!»

Это место «Послания» вызвало сатирический выпад А. С. Хвостова (?) в его известном «Послании к творцу послания»:

«Особым ты пером и кистию своею,
Как яблочник писал к разнощику Матвею,
Задумал пошутить, и унтер-офицер
В минуту сделался проказ твоих пример,
Которым для ватей так счастливо жереба
Благословенная соделалась утроба...»

(П. Вяземский. Фон-Визин, СПб., 1848, стр. 332).

² Все это дает основания для хотя бы приблизительной датировки этой притчи 1760—1763 гг. На этот же ранний период написания притчи указывает и орфография притчи (Новиков, перепечатаывая текст или публикуя его, всегда сохранял орфографию его оригинала) — с прописными буквами в словах «по Русски», «Рондо», «Сонет», «Баллад». . . В более поздний период творчества Сумароков все такие влопа и даже собственные имена писал со строчных букв.

что перестанут писать, как будто от их писаний общества благополучие состоит. Такие думают, что такими угрозами они много отомщевают тем, кои их не почитают; но им все смеются. Если они будут писать, то себе сделают пользу; а ежели нет, то их книжные доходы уменьшатся. Толь гордые ученые люди по справедливости общественного презрения достойны; ибо они, сколько бы учены ни были, не должны хвастаться своим знанием, но должны употреблять оное для пользы общества, для которого благополучия все честные люди все свои силы и знания употреблять должны. Кто в том спорит, что знать науки есть весьма почтенное, полезное и похвальное дело, но надобно оные знать не для себя одного, но для пользы общественной; следовательно не надлежит гордиться тем, что мы для других имеем, и чем мы обязаны делать пользу другому. Смешов бы был тот слуга, который за то, что умеет изрядно служить, предпочел бы себя господину и его бы презирал; а для меня еще смешнее тот Оратор или Стихотворец, который угрожает обществу, что перестанет писать, будучи должен всеми силами и всею своею способностью оному служить».¹ Нет сомненья, что в этом отрывке речь идет о Сумарокове. Характерно при этом, что Эмин выступает против Сумарокова с принципиальной позиции писателя-слуги общества, усматривая в своем противнике гордость, претензии на руководство обществом. В самом деле Сумароков считал, что его произведения необходимы для морально-политического воспитания дворянства; считая себя одним из вождей дворянского общественного мнения, он приписывал (не без некоторого основания) своему творчеству значение большой культурной и политической силы. Эмин, для которого внутридворянская фронда Сумарокова представлялась едва ли не барской блажью, мог объявить его просто нелепым гордецом.

Характерен также полемический ход Эмина, насмешливо указывающего на денежный импульс к творчеству; так же, как Эмин-буржуазный идеолог игнорирует дворянское общественное служение Сумарокова, Эмин-писатель, торговавший своим творчеством, хочет дискредитировать позу материальной незаинтересованности дворянского поэта в своем творчестве, вскрыв всегда, по его мнению, присутствующий для писателя коммерческий мотив его литературной работы. «Стихотворец, который угрожает обществу, что перестанет писать», стремясь отомстить тем, кто его не почитает — конечно, Сумароков, действительно, не один раз в своей жизни заявлявший о своем отказе от литературы в результате конфликтов, главным образом с правительством. В частности, в заключение «Трудолюбивой пчелы» (1759) Сумароков поместил стихотворение: «Расставание с музами», в котором говорил:

«Для множества причин,
Противно имя мне писателя и чин;

¹ *Искусство Ирисета и Доравры*, СПб., 1766, ч. III, стр. 132—135.

С Парнасса нисхожу, скажу противу воли,
 Во время пушего я жара моего,
 И не взойду, по смерть, я больше на него,
 Судьба моей то доли.
 Прощайте, музы, навсегда!
 Я более писать не буду никогда».

В той же декабрьской книжке своего журнала Сумароков поместил свою статью «О кописгах», в конце которой, указывая свои условия для драматургической работы, заявлял, что в противном случае он клянется: «больше ничего драматического писать не стану и слова своего я не отменю».¹

В IV томе того же романа Эмин, повидимому, вновь задел Сумарокова; в письме 10 этого тома — от Эрнеста к Ипполиту говорится о типе «в свете обращающегося человека», который «желает, чтоб все текло по его желанию, правду ненавидит, и хочет, чтоб все ему ласкали. Ты сам знаешь, любезный друг, Еρμοфрита, в нашем городе живущего, которого многие почитали за ученейшего человека. То правда, что он в словесных науках довольно имеет значение, но неумеренность и ласкательство до такой его довели степени, что теперь я думаю во вселенной его злобнее, бешенее и бессовестнее нет. Если кто в чем-нибудь ему попротиворечит, то он в такое приходит бешенство, что нельзя с ним больше разумному человеку говорить, и должно от него бежать прочь. Если собаки на дворе залают, за то он мучит жену свою, для чего она не прикажет собакам молчать. Когда ему схать должно со двора, а пойдет дождь, тогда он рвет на себе волосы, бьет своих служителей и ругает жену, спрашивая: для чего дождь на дворе? Он ненавидит свое отечество; клеветает всех людей, утверждая, что они его достоинств не знают, ненавидит общество, что в оном отменных знаков достоинств не имеет. Долги с тем занимает, чтоб их не платить; а ежели купцы оных от него требуют, таким он мстить угрожает, а часто жалуется на них в Магистрате, сплетши безбожную ложь, будто они с ним в его доме неучтиво обходились. Друзей своих всегда обманывал, так что теперь не имеет ни одного. Лекарей, которые весь дом его пользовали, везде за то ругает, что съезят лечить к другим, ибо он столько завистлив и злобен, что не желает, чтоб с ним знающиеся делали ближнему своему добро. Есть за ним и таких много пороков, которых и описывать перо мое стыдится,

¹ Трудолюбивая пчела, стр. 762. Ср. с этим и позднейшую элегию Сумарокова «Страдай прискорбный дух, терзайся, грудь моя». В. П. Семенников предполагает, что эта элегия была издана отдельно в 1768 г., указывая, что какая-то элегия Сумарокова была в этом году напечатана; но ни он, ни я не имели возможности разыскать экземпляр этой элегии 1768 г. и утверждать, является ли искомая элегия именно этой, «Страдай» и т. д., нет пока достаточных оснований. См. В. П. Семенников, «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II», Пгр, 1915, стр. 110. Элегия «Страдай. . .» была помещена в сборнике «Разные стихотворения Александра Сумарокова», 1769, стр. 210.

и то только сказать могу, что толь злобного человека честная душа и вообразить себе не может. Вот до чего доводит человека неумеренность». ¹

Я полагаю, что сходство этого места с другими полемическими выпадами против Сумарокова несомненно показывает, что и в данном случае дело идет именно о нем. Характерно при этом подчеркивание Эминым дворянских черт в Ермофрите, дурные поступки его с купцами и, что в особенности важно, его фрондерское отношение к действительности, к «обществу», к «отечеству».

В 1769 г. Эмин вновь выступил против Сумарокова. Впрочем, возможно, что еще к более раннему времени относится его рукописный памфлет, или, вернее, пасквиль на Сумарокова, пародия на элегию, опубликованная в 1859 г. А. Н. Афанасьевым (А. Н. Афанасьев, Образцы литературной полемики прошлого столетия, Библиографические записки, 1859, № 17, стр. 516—517: «Элегия Эмина на Сумар[окова]).

Это — стихотворение, содержащее грубейшие нападки и брань по поводу личности и частной жизни Сумарокова, который имел, конечно, все основания возмущаться этой довольно пакостной вещью. Не стеснялся Эмин с Сумароковым и в печати, в частности в «Адской Почте». В 13 письме журнала — от Кривого к Хромоногую — кривой бес рассказывает о том, кого он видел в театре: «я видел, что сей сосед знает свет, начал с ним разговаривать, и спросил его, кто таков другой, с сею дамой разговаривавший, который кажется мне, что уже не молод (Сумарокову было в 1769 г. 51 год. Гр. Г.)? — Это Ергаст, наш стихотворец, — отвечал он, — и думает, что равного ему в разуме и в хорошем вкусе нет; однако ж лучшее его достоинство состоит в том, что умеет хорошо обирать других писателей; при всем том он стихи свои почитает больше золота и оными платит своим должникам. Купцу, которому был должен с 400 рублей, уплатил Елегиею; лекаря, два года дом его пользовавшего, наградил мадригалом; а повару, три года ему служившему, за все услуги дал целые три эпиграммы. Ежели к нему приедет в гости, то вместо обеда изволь слушать, как он читает свои стихи; да и не скоро от него вырвешься; он часто до полуночи тебя оными по-неволе забавлять станет» (стр. 53—54). К словам этого отрывка о лекаре, оплаченном мадригалом, укажу, что Сумароков действительно написал «Стихи г. хирургу Вульффу», напечатанные в «Праздном времени в пользу употребленном» в 1760 г. (Номер от 19 августа «Пр. Вр.», 1760, II, стр. 127. В общем заго-

¹ Письма Эрнеста и Доравры, ч. IV, 1766, стр. 111—112. На это место романа указал уже А. Лященко в своей брошюре «К истории русского романа. Публицистический элемент в романах Ф. А. Эмина», СПб., 1898, оттиск из «Jahrbuch der Reformierten Kirchenschule für — 1897—1898» стр. 16. А. Лященко видит в Ермофрите (он неверно называет его Ермофродитом) «по всей вероятности Сумарокова». На это же место указал А. Лященко в напечатанных им за подписью «А—А—А» «Материалах для библиографии о Ф. А. Эмине», «Библиограф», 1892, № 8—9, стр. 320—322.

ловке к двум стихотворениям «стихи» назвали так: «Стихи Сухопутного кадетского корпуса хирургу г. Вульффу»); в этих стихах Сумароков комплиментировал Вульфа за излечение жены и дочери его, Сумарокова, от опасной болезни (непосредственно перед этими стихами в журнале помещена Елегия Сумарокова о болезни, повидимому, его жены).

В «Адской Почте» в письме 59 тот же бес Кривой повествует: «У нас сочинитель А. . . с живописцем Б. . . вчера долго спорили. Сочинитель величающемуся живописцу говорил: смеешь ли, маляр, при мне знанием своим возноситься? при мне, который наполнил все государство своим разумом, наполни сердца грубых и непросвещенных людей нежностью и доставил славу отечеству». . . «Тогда отвечал ему соперник: скажи, господин сочинитель, почему же ты лучше меня? Твои писания кладут в шкафы, а часто и под стулья, а картины всегда ставят на виду. . .» и т. д. Я полагаю, что «сочинитель» в этом письме Кривого беса опять — Сумароков.

В связи с нападками Эмина на Сумарокова в «Адской Почте» обращает на себя внимание также письмо 65, в котором Кривой бес пишет: «Вчерашнего дня я обедал у Фортуннада. Сей человек, известный счастьем, которое лет с двадцать ему все приятства оказывает, хотя, как тебе известно, родился между людьми самой бедной и низкой породы; однако счастлием будучи на высокую степень вознесен, не гордится с излишеством своим благополучием, как обыкновенно делают люди, из ничего во что-нибудь претворенные; мне вчера странно показалось, что Стихотворец. . . в оде своей ему поднесенной произвел его фамилию от Римских Императоров, хотя не только сего господина род, но и он сам до 20 лет и о имени простого дворянства не слыхал. Ласкатели обыкновенно за счастьем в след ходят. Теперь вельможу Фортуннада живописцы стараются представить или Юпитером, либо Аполлоном, а ученые приписывают ему такой разум и такое просвещение, которого они и сами не имеют; однако он яко человек добродушный, их ласкательствам смеется».

Трудно сомневаться в том, что Фортуннад — это А. Г. Разумовский¹ (не Кирилл Разумовский, так как о том нельзя было сказать, что он до 20 лет не слыхал о дворянстве; он был уже 15 лет камер-юнкером, 16 лет графом, 18 лет президентом Академии Наук и 22 лет украинским гетманом). Если же это так, то скорей всего и поэт, льстящий ему, — это Сумароков. В самом деле, кого мог захотеть Эмин уколоть близостью к Разумовскому в 1769 г., т. е. через семь лет после смерти Елизаветы и потери бывшим фаворитом какого бы то ни было влияния? Повидимому, именно Сумарокова, бывшего адъютанта Разумовского, человека, связанного с ним

¹ Может быть, на его фамилию намекают слова «такой разум» в конце приведенной цитаты.

до самой его смерти.¹ (Намек на близость Сумарокова к Разумовскому мог иметь в виду политическую дискредитацию Сумарокова в глазах, скажем, Орловых.)²

Все эти несомненные или предполагаемые нападки Эмина на Сумарокова даны в прикровенном виде, без прямого указания на его имя и произведения. Эмин напал на врага спрятавшись, из-за угла. Наоборот, открыто он принял позу величайшего беспристрастия и уважения к заслугам и достоинствам Сумарокова. В этом смысле примечательно 59 письмо «Адской Почты» (от Кривого к Хромоногому), уже привлекавшееся к рассмотрению в прежних исследованиях; здесь описывается спор между сторонниками Ломоносова и Сумарокова: «ибо между хорошими стихотворцами поныне были два, которых сочинения украшают славу России. . . Оба сии стихотворцы имеют свои партии, без которых ныне в свете разумным быть не можно». Эмин ставит себя опять как бы вне борьбы между Ломоносовым и Сумароковым; но он — или вернее некто М., говорящий от его лица, — в пространной речи, отдавая все должное Ломоносову, все же решительно предпочитает Сумарокова. Заканчивается обширное письмо беса Кривого так: «Что же вышло, друг бес! из речей М.? то, что все говорили: виват Лирик; он лучший всех в свете стихотворцев, а С. человек посредственного знания; но я почел речь М. за справедливую, а особливо потому, что выхваляемый им стихотворец великий ему неприятель, везде его ругал и ругает, и мало ему несправедливым своим доношением жесточайшего не причинил злоключения. М. о всем том зная, и толь много от него претерпя, когда его хвалит, кажется, что в такой похвале пристрастия быть не может».

Возможно, что Эмин хотел этим заключением подчеркнуть, что Сумарокова бранит не он, — наоборот, он готов хвалить его, — но, мол, вся публика против Сумарокова. С другой стороны, Эмин пропечатал и о доносе на него Сумарокова. В самом деле, насколько обострились в 1769 г. отношения между обоими писателями, видно и из комедии Сумарокова «Ядовитый», как известно, направленной против Эмина.

Эта комедия была издана в 1768 г. Эмин выведен здесь под именем Герострата, злостного клеветника, циника, негодяя. Сумароков обвиняет Герострата-Эмина в том, что он «вместо прикрытия человеческих слабостей, их разглашает (явл. V), что его «ругательства» и рассказы о людских слабостях только увеличивают зло (там же); он утверждает, что «отъятие чести, жизни и имени», которые он видит в словах Герострата, достойны виселицы (там же). Дальше Сумароков подчеркивает, что Эмин-материалист,

¹ См. его «Елегию к С. Ф. Ушакову. . . на преставление гр. А. Г. Разумовского».

² В стихотворце, лстящем Разумовскому, невозможно видеть Ломоносова; он написал идилию в честь Разумовского, не-Кирилла; притом же Ломоносов умер за 4 года до издания «Адской Почты» и говорить о нем как о живом в злободневном фельетоне было немисливо.

безбожник; это обвинение Эмина характерно; оно имело, конечно, характер довеса.

«Честь на свете химера только, и состоит она в покровительстве вельмож и в молве народной!» — заявляет Герострат (явл. V), и потом в длинном монологе (явл. VI) развивает мысль о том, что честь — пустая выдумка, причем он ценит лишь реальные блага. Достаточно напомнить, какое место занимало в социальном мировоззрении Сумарокова понятие дворянской чести (point d'honneur), как специфического признака дворянского сознания и поведения, чтобы выяснить, что Герострат — по Сумарокову — ниспровергает основы, выступает как опасный вольнодумец. В следующем (VII) явлении Герострат говорит: «Он ей не прямой брат: а рассуждая по философски, что препятствует любиться и с прямою сестрою? все это вздор и никакого не имеет основания»; едва ли здесь имеется в виду не Гельвеций и материалисты вообще (и, может быть, даже Монтескье).

Далее Герострат говорит: «Законы и обычаи, утесняющие наше своеволие, ради подлых разумов выдуманы». Герострат дерзает; на вопрос — «есть ли бог?» он отвечает: «есть», но тут же говорит: «бог будучи толь велик, будет ли думать о делах такой малой твари, каковы мы». Герострат проповедует утилитарную мораль материалистов XVIII в. (Гельвеция): «Добрые наши дела те, которые нам добро делают; а худые те, которые нам делают худо: его и естественно и истинно». Герострат проповедует эгоизм и «своеволие» (явл. VII и XI). Сумароков устами Дромона говорит Герострату: «ты человек, обществу самый опасный».

Герострат-Эмин изображен Сумароковым как атеист; мало того, — он и сам — не дворянин. Это Сумароков подчеркивает. Когда Герострата бранит Клитандр, он говорит: «Я офицерской чин имею, так я по тому дворянин; и следовательно, что я вам, сударь, и шпагою отвечать могу» (явл. XI). Из этого следует, конечно, что Герострат — дворянин только по чину, а не по роду, т. е. в сумароковском понимании — не дворянин, а выскочка — смерд. В явлении XIII опять — и уже официально — подьячий заявляет, что Герострат — «благородный; понеже имеет чин комиссара», т. е. только по чину; а в явлении XV Дромон опять говорит Герострату: «ты по чину комиссарскому дворянин, и от телесного наказания может быть будешь освобожден...»

Сумароков хочет разоблачить и авантюрную биографию Эмина, и его ученость.

В явлении VII, в котором выясняется, что Герострат — писатель, Дромон напоминает ему о его собеседниках, «которые разинув рот слушали те твои похождения, которые тебе пригрезились во сне и историю о Мосохе, рассказываемую тобою так ясно и точно, как бы ты у него был наперсником». Мосохом, от которого Эмин в своей «Русской истории» выводил славян, его не один раз попрекали его литературные враги.

В явлении XI происходит такой разговор:

«Клиандр: Ваше колкое перо всему просвещенному свету столь гадко, сколько правилам, разуму и слуху противен склад ваш. Герострат: Кто знает языком целую дюжину, так кажется тому писать можно. Клиандр: Двух или трех языков вы слов несколько знаете, это и я засвидетельствую. Герострат: Изрядно. И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом и монархом на престоле.¹ Клиандр: Одно истина. Герострат: Изрядно. И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Ерусалиме и в Медине. Клиандр: Это правда. Герострат: Кто знает историю Сима, Хама и Яфета так подробно, как будто бы с ними во весь их век жил купно. Клиандр: Это вам одним известно. Герострат: Кто был лейбмедиком у великого Могола, обершталмейстером у Богдыхана и оберкригс-комиссаром у Кутухты. . .»

Различие, даже враждебность мировоззрений Эмина и Сумарокова видны и в том основном обвинении, которое выдвигает против Герострата комедия «Ядовитый», — обвинении в пасквилях, в том, что он всех ругает, на всех клеветает, что его сатиры «прибываются на заборах» и т. п. Сумароков, выдвигая это обвинение против Эмина, едва ли имел в виду только произведения Эмина типа элегии (о которой шла речь выше), имевшие характер пасквиля — не для печати.² Повидимому, Сумароков говорит и о тех местах в романах Эмина, в которых содержатся намеки на определенных лиц, и на него, Сумарокова, в первую очередь. Таких намеков было, без сомнения, много, хотя с несомненностью обнаружить их все в настоящее время затруднительно. Сумароков видит в такой озлобленной сатире «на лицо» неприличный и безправственный пасквиль. Эмин, наоборот, считает такую сатиру законным и необходимым видом творчества. Сумароков считает недопустимым резкие нападки на дворянство со стороны проходимца Эмина. Он, с высот своей классической эстетики, осуждает введение в литературу единичного конкретного факта. Наоборот, Эмин, буржуазный писатель, не желает считаться с канонами отвлеченности, спокойствия и общности темы эстетики русского классицизма. Он бьет по врагу всеми доступными для него орудиями, и его практическое и реальное мировоззрение подсказывает ему взгляд на конкретную сатиру «на лицо», как весьма эффективный метод борьбы. Обвинение Эмина в пасквилях со стороны Сумарокова имело задачей охранение основ дворянской культуры от посяганий буржуазной эстетики.

¹ Намек на роман о Мирамонде.

² Еще один рукописный памфлет Эмина (в прозе) о руководителях и служащих Академии Наук, Академии художеств и Кадетского корпуса — под названием «Сон, виденный в 1765 году генваря 1-го», опубликовал Л. Н. Майков в «Русском архиве» 1873 г. и потом в его книге «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий», СПб., 1889, стр. 323—341.

В особенности ярко развернул Эмин сатиру «на лицо» в «Адской Почте». Я не имею ни возможности, ни надобности заняться в настоящем очерке раскрытием всех личных выпадов этого журнала, но могу утверждать, что их много. Журнал изобилует портретами явно живых людей, острыми памфлетами, даже сплетнями об интимных фактах частной жизни — опять-таки несомненно определенных лиц из петербургского «общества». Эта особенность сатирической манеры Эмина (характерно сближающаяся с сатирической манерой молодого Крылова — в «Почте Духов» и в комедиях его) вызывала парекания в дворянских кругах. В «Адской Почте» в 86 письме (от Хромононого к Кривому), говорится: «Вчера за ужином у Филариса рассуждали о Эрнесте (т. е. об Эмине; ср. письма Эрнеста и Доравры. — *Гр. Г.*); некоторые его сочинения хвалили, а другие утверждали, что пишет весьма колко и что такие ругательства, какими наполнены его сочинения, должны бы быть наказаны (ср. в «Ядовитом» Сумарокова); напротив того он ничего ругательству подобного не печатал, а только что пишет правду и никому ласкательствовать не хочет. . . Все говорят, что можно человека порочить, да только с учтивостию, но у нашего брата все равно, что с учтивостию, что и без учтивости голову отрубить. Ругательства нигде не годятся; но прямо описывать пороки и называть вора вором, разбойника разбойником, кажется, что дело справедливое. . . Еще некто Щ. . . везде сего писателя бранит, хотя его и в глаза не видал. Ему многие советовали равным образом своему неприятелю соответствовать, но Эрнест хочет ему еще несколько раз упустить. Я знаю, если он ему наскучит, то в один раз за все брани изрядно отплатит».

Характерна эта угроза, которой Эмин кончает данный отрывок (кто этот Щ. — мне неизвестно).

«Многие говорят, — сказано в „Адской Почте“, — что бесы мои целят на многих. . . но сколько мне понятно, они описывают вообще пороки и разные злоупотребления; если же кто себя в оных сыщет, то виноват порочный, а не бесы; и ежели он на них негодует, то сам себя выводит наружу, а не издатель». Приводя эту цитату в своей книге «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.» (М., 1859, стр. 17), А. Н. Афанасьев говорит, что Эмин избегает затрагивать кого-либо «в лицо». Конечно, это и фактически неверно и неправильно в смысле понимания данной цитаты; текст ее явственно ироничен, лукав, и значит она, разумеется, только то, что Эмин представляет тем лицам, на которых направлены его памфлеты, узнавать себя. Далее Афанасьев приводит другую цитату, характерную только для ограниченности протеста Эмина, для свойственной ему, несмотря на его буржуазность и отчасти вследствие ее, готовности смиряться перед начальством и заявлять о своей благонадежности: «Знатных и в правлении великие места имеющих людей мы никогда в лицо не трогали (значит, других трогали! — *Гр. Г.*) нашими критическими рассуждениями, но мы сие делали не для ласкательства, но для того, чтоб, переправляя такие столбы,

на которых огромное опирается строение, целому зданию не причинить вреда». Я думаю, что Сумарокова в одинаковой мере выводили из себя и буржуазный характер идеологии Эмина и его готовность услужить властям.¹

Заканчивая вопрос об отношении «Адской Почты» к Сумарокову, укажу, что Эмин при всей враждебности к нему считал возможным, повидимому, позаимствовать у него один сатирический мотив. В числе «Ведомостей из Ада» в журнале Эмина, есть такая: «Славный откупщик разных напитков прислал сюда своего приказчика, который живет в нашем предместьи и хочет все адские горячие вещества откупить, дабы оными всех подданных Плутоновых доволествовать и нажить себе от него великую прибыль. . .» В 1760 г. Сумароков поместил в «Праздном Времени» «Эпиграмму»:

«По смерти откупщик в подземную страну
Пришел пред Сатану,
И спрашивает он: снажи, мой друг сердечной:
Не можно ль откупить во аде муки вечной?
Как я на свете жил,
Всем сердцем я тебе и всей душой служил;
Пожалуй, дедушка, на откуп его внуку!
Я множил цену там, а здесь умножу муку.»²

В том же 1769 г. Эмин перенес полемику с Сумароковым в другое свое литературное предприятие. Третьему тому своей «Российской истории», вышедшему именно в 1769 г., он предпослал обширное предисловие автоаологического характера. Здесь он писал между прочим: «Ежели в сочинении, состоящем в небольших трех листах, в котором описывается тридневное стрелецких бунтов действие ныне и на площади почти известное, находящиеся ошибки и великие противуречия обществом прощаются, то надеюсь, что и моего толь продолжительного и великого труда недостатки, ежели сыщутся, будут мне просвещенным читателем упущены» (стр. XV—XVII). Сочинение, состоящее в небольших трех листах, — это брошюра «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце майи. Писал Александр Сумароков. Печатано при имп. Академии Наук 1768 году» (50 страниц).

Эмин не удовлетворился общим порицанием брошюры Сумарокова; он сделал к данному месту в сноске примечание, весьма обширное. Оно начинается с критики (фактической) одного места в изложе-

¹ Замечу, что точка зрения А. Афанасьева перешла к Л. Н. Майкову; который считает, что Эмин в своем журнале «старался никого не трогать в лицо». Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПб., 1889, стр. 324—325. Напомню, что вопрос о сатире «на лицо» дебатировался в сатирической журналистике 1769 г., в частности в «Трутне» и во «Всякой Всячине». Однако анализ точек зрения участников полемики по этому вопросу выходит за рамки настоящей статьи.

² Праздное Время, 1760.

нии Сумарокова, но затем переходит к вопросам принципиальным; Эмин говорит, приводя цитату из Сумарокова (нигде не названного): «В другом месте на стр. 19 и 20 сей автор пишет следующее: Разгораются искры в сердцах войска противу отца и сынов отечества, забывает сие пагубное войско бога, государя, честь и отечество и принадлежащее скипетру право, отторгая от престола отдается оружию и своевольству. Вот, — продолжает он, — какова была чернь ко стыду нашему. Римская чернь противу Рима никогда ни бунтовала, а московская противу Москвы вооружилась, чего однако ж дворяне никогда не делали. — Не часто же сей автор читывал римскую историю. А кто ее читал, тот знает, что подобных сему бунту у римлян было множество. Оных я именно для того здесь не упоминаю, что надобно бы по малой мере оными заполнить целый том; . . . итак просвещенный разум им в том случае завидовать никакой не имеет причины. По моему мнению гнусная вина каждое злоумышление; но еще хуже того оному злоумышлению давать имена, добродетели приличные, потому что, будучи украшено таким названием, многим может послужить в пример.¹ Если Рим издревле имел своих героев, то и Россия оными довольно была изобильна, из которых многие поныне свету были неизвестны для того, что не было прежде в ней ласкательствующих стихотворческих пер, которые ища своей пользы, часто и разбойников в героев претворяют. Но когда мы наконец имели Петра Великого и ныне зрим на троне Августа, Траянов дух имеющего, то не имеем причин завидовать римлянам и себя унижать. Мне то больше всего удивительно, что автор сего сочинения, стыдясь тогдашних бунтов, утверждает, что сего дворяне никогда не делали. Изрядное ж он и о российской истории имеет понятие. А разве Милославский, знатный тогда боярин, его помощники Толстые, Сумбулов, Озеров и прочие, о которых сей автор пишет, что были начинщики сего стрелецкого заговора, не были дворяне? Он же сам в своем сочинении таким достоинством их чтит. Если бы я не опасался утратить великой его ко мне любви, то сказать бы мог, что в сем описании больше видно ненависти к отечеству и пристрастия к дворянству, нежели исторического согласия; но надеясь оныя продолжения, и того, что и он, приметя мои ошибки, меня об оных уведомит (чего я очень желаю), окончу мое примечание, которое я сделал, последовав его совету, мною на стр. 84 его сочинения найденному и от строк 8 до 21 продолжающемуся». В книжке Сумарокова всего 50 страниц, так что 84-й страницы в ней нет; но несомненно, что в цифре у Эмина — опечатка, и надо читать ее — 48; здесь, действительно, от 8 до 21 строки занимает подходящее место: «во всякой истории надлежит писать истину; дабы человек научился от худа отвращаться и к добру прилепляться. Историк не праведно хулы и хвалы своему

¹ Повидимому, Эмин имеет здесь в виду выражение Сумарокова «Разгораются искры»; или же — скорее фразу «чего однакож дворяне никогда не делали»; см. ниже. Гр. Г.

соплетающий отечеству, есть враг отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставлению и общему благоденствию служит. Не полезно вымышленное повествование, о ком бы оно ни было. И вредоносна ложная история тому народу, о котором она: ежели она тем народом допущена или не опровержена, к ослеплению читателей».

Все в приведенном нападении Эмина на Сумарокова глубоко знаменательно. Прежде всего самая озлобленность, ядовитость нападения; так нападают на врага, притом врага в самых основах его бытия и мышления. Характерно и обозначение Сумарокова как льстеца — «ласкательствующих стихотворческих пер»; кому он льстит, по мнению Эмина? Повидимому, дворянству. И самый главный пункт спора: Сумароков в своей исторической работе — «пристрастен ко дворянству»; он — дворянский писатель, и именно это обвиняет его в глазах Эмина.

Мало того, Сумароков именно как дворянский идеолог, проявляет «ненависть к отечеству», т. е. нации, которую видит в облике отечества буржуазный писатель Эмин, и которой не существует как единства для Сумарокова, делящего нацию на несмешиваемые и пеливаемые сословия. «Ненависть к отечеству» видит Эмин, конечно, и в том барском презрении к «черни», которое пронизывает брошюру Сумарокова. О «черни», требующей иного, примитивного, обращения к себе, чем «люди просвещенные», говорит он уже на 5 странице ее; на стр. 15 — «лучше быть народу под игом иноплемеников, нежели под игом вооруженной черни; и ласка своевольству их быть под их стражею, и трептати день и ночь». Восставшие стрельцы и «черпь» — это «безмозглые люди» (стр. 20) и т. д.

Но не менее характерен и тот специфический оборот, который придает Эмин своему обвинению Сумарокова в пристрастии к дворянству. Прежде всего он настойчиво подчеркивает, что Сумароков скрывает бунтарские навыки и возможности в дворянстве и, что он в то же время «ища своей пользы... разбойников в героев претворяет»; разбойники — это дворяне-бунтари. Примечательно это «ища своей пользы». Мне думается, что Эмин явственно намекал здесь на «неблагонадежность» Сумарокова, на его связь с дворянской фрондой, с «бунтарями и разбойниками» 60-х годов XVIII в., а не 1682 г., т. е. с дворянами, недовольными порядками самодержавия и Елизаветы и, — это выяснилось в комиссии 1767 года — Екатерины.

Эмин пишет здесь что-то вроде доноса на Сумарокова, обвиняя его в сочувствии к дворянам-бунтарям.

С другой стороны, самое обвинение идет с позиций весьма верно-подданных. Эмин помнит, что дворянство любило подчеркивать свою роль, как «опору трона», он отвечает дворянскому идеологу Сумарокову: нет, дворянство не опора трона; оно фрондирует, бунтует. Эмин тягается с Сумароковым в преданности самодержавию и легко одерживает победу.

Отмечу еще одну деталь: Эмин цитирует Сумарокова не совсем точно; приведу текст Сумарокова:

«Разгораятся искры в сердцах войска против отца и сынов отечества, и огонь воспламеняется. Забывает сие пагубное войско бога, государя, Честь и Отечество: и принадлежащее скипетру право, отторгая от престола и от законов, отдают оружию и своевольству. Вот какова была наша чернь ко стыду нашему! Римская чернь никогда против Рима не бунтовала, а московская против Москвы вооружалась, чего дворяне никогда не делали». Я не останавливаюсь на стилистических и орфографических искажениях в цитате Эмина («отдается» вместо «отдают», «противу» вм. «против» и др.), но есть в ней искажения и смысловые, достаточно показательные.

Прежде всего Эмин пропускает слова «и огонь воспламеняется», говорящие о размахе восстания; затем он выбрасывает слова «и от законов»; это характерно: Сумароков считает, что право власти принадлежит престолу и законам; Эмин оставляет только престол; и здесь он против ограничения самодержавия, проповедуемого российскими «монаршистами» XVIII в. Затем Эмин выпускает слово «наша» при «черни» (может быть, и случайно) и, наконец, добавляет слово «однако ж» перед «дворяне никогда не делали».

Эмин хочет вложить Сумарокову в уста еще большее противопоставление дворян бунту, чем у него было, чтобы тем сильнее ударить его.